

ПАРНАССКИЙ МОТЫЛЁК

К 400-летию Лафонтена

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН — французский баснописец, как значится во всех, и не только литературных, энциклопедиях и справочниках — иногда с добавлением "великий". Хотя писал он далеко не только басни, но прочие творения его пера (в ту эпоху "перо" ещё не было метафорой) не имели особого успеха ни при жизни, ни после смерти автора. А вот басни его прославили, стали неотъемлемой частью не только французской, но и мировой литературы.

Великих баснописцев мира можно перечесть, что называется, на пальцах одной руки. И Лафонтен останется среди избранных ключевым звеном от античных Эзопа и Федра к нашему "дедушке Крылову". Писателем, без которого весь наш мир был бы немного иным, "все эти краски, запахи и звуки..." "Конечно, ни один француз не осмелится того бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие есть врождённое свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то всёёлое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов", — отметил Пушкин.

Не для каждого языка и не в любых исторических условиях стихосложение в форме басни оказывается возможным. Но если оно состоялось — значит, "здесь и сейчас" сформировалась достаточно прочная и одновременно гибкая система ценностей, определяющая систему поведения (этос) данной человеческой общины.

И, соответственно, обеспечивающая возможность её более-менее длительной культурной (а также экономической и военно-политической) доминанции в более широком ареале. Это справедливо и для греческих полисов VI века до н. э., куда записывал свои басни Эзоп, и для Рима времён Тиберия, Калпигулы и Клавдия, когда их пересказывал на латыни

Федр, и для Российской империи конца XVIII—начала XIX века, когда к жанру басни обращались и А.П. Сумароков, и В.В. Капнист, и И.И. Дмитриев, и многие другие отечественные писатели, среди которых особое и безусловно первое место занимает Иван Андреевич Крылов. Известное свидетельство эпохи Отечественной войны 1812 года гласит: "Одну из самых знаменитых басен Крылова "Волк на псарне" Кутузов прочитал перед фронтом солдат и офицеров. При словах: "Ты сер, а я, приятель, сед!" — Кутузов приподнял фуражку и указал на свои седины. Громкое "ура!" покрыло чтение этой басни..." На мой взгляд, данный полупегендарный момент и следует считать моментом рождения Русской Литературы (с большой буквы).

Но разве нельзя сказать то же самое и про Францию времён "Короля-Солнце" Людовика XIV, который произнёс знаменитое: "Государство — это я!", которому "двадцать лет спустя" и "десять лет спустя" служили мушкетёры Дюма? Правда, басни Жана де Лафонтена, которые впервые увидели свет в 1668 году, они прочтёшь вряд ли успели. Хотя с их автором вполне могли быть знакомы лично, или хотя бы слышавшие о нём: к тому времени "лесничий из Шато-Тьерри" уже почти тридцать лет (с перерывами) жил в Париже и был достаточно известен в литературных, музыкальных и аристократических кругах французской столицы. В частности Николая Фуке, суперинтенданта финансов, главного на тот момент покровителя Лафонтена, 7 сентября 1661 года арестовывал в его новом роскошном дворце Во-ле-Виконт не кто иной, как граф д'Артаньян...

Франция второй половины XVII века была не только крупнейшей и сильнейшей державой континентальной Европы, но только стремилась "отвоевать" своё место под солнцем" под занавес эпохи Великих географических открытий (она же — эпоха захвата колоний по всему миру) в соперничество с Испанией, Португалией, Голландией и Англией, но и создавала в этих условиях новую синтетическую культуру, способную сбить накал религиозных войн XVI—первой половины XVII веков. Великие философы и математики Блез Паскаль и Рене Декарт были старшими современниками и предшественниками великих естествоиспытателей Исаака Ньютона, Роберта Гука и Антони ван Левенгука, истинными носителями своего "духа времени" в области предметно-логического познания. По стопам которого неминуемо шло и познание эстетическое, художественное творчество.

Как это происходит? Блез Паскаль: "Человек — всего лишь мыслящий тростник, удел его трагичен, так как, находясь на грани двух бездн бесконечности и небытия, — он неспособен разумом охватить ни то ни другое и оказывается чем-то средним между всем и ничем... Он улавливает лишь видимость явлений, ибо неспособен познать ни их начало, ни конец". Здесь "мыслящий тростник" — это уже художественный образ, который возникает у мыслителя так же стихийно и естественно, словно Афродита из пены морской, оставаясь в наследство всем последующим векам и народам. "И роппет мыслящий тростник..." (Ф.И.Тютчев). А чем же этот "мыслящий тростник" отличается от иных растений, фигурирующих в качестве образов-субъектов басенных сюжетов? Вот "Дуб и Трость" — вполне переложение басни Лафонтена на русский язык И.А. Крыловым (по переводу А.П. Сумарокова), сделанное в 1806 году:

*С тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
"Послушай, роппать ты вправе на природу, —
Сказал он, — воробей, и тот тебе тяжёл.
Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатался, начнёшь слабеть,
И так навзрышь сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.*

*Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеяся и вихрям и грозам,
Стою и твёрд, и прям,
Как будто б озраждён ненарушимым миром:
Тебе всё бурей — мне всё кажется эсфиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой,
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Золота владыня:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья".
"Ты очень жалостлив, —*

*сказала Трость в ответ, —
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасюсь:
Хоть я и гнус, но не ломаюсь —
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что ещё доселе их свирепость
Твою не одолела крепость,
И от ударов их ты не склонял лица:
Но — подождём конца!"
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчитса с северных сторон,
И с градом, и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится, — к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, убоил силы он,
Взревел — и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главою своей касался
И в области теней пятою упирался.*

То есть в творчестве Жана де Лафонтена совершился следующий шаг, от эстетического познания к познанию этическому, к формированию новых норм поведения в рамках человеческого общества: рациональных, рефлексизирующих, расчётных, прогностических... Мушкетёры Дюма, конечно же, виртуозно владели шпагой, но исход сражений и войн в их времена решали уже мушкетеры, пушки, точный расчёт и манёвр. В архитектуре буйство барокко сменялось выверенными линиями классицизма, и упомянутый выше дворец Фуке Во-ле-Виконт — один из первых его образцов, ставший "зерном", из которого вырос Версаль. А дальше — рационализм, Просвещение, прагматизм, практицизм... Эпоха, в которой французский язык бесспорно преобладал вплоть до конца наполеоновских войн и стал одной из основ всей нынешней западной культуры. В протоптанной туда тропке ясно видны следы басен Лафонтена.

Басня, с её моралью, в начале или в конце произведения, — самый наглядный пример этого перехода. А жизнь и творчество героя этой статьи показывают, насколько тяжёлым и сложным он может оказаться. Жан де Лафонтен начинал с типично барочной поэзии, его чувство ритма строки, рифмы, его искусство метафоры и прочие проявления стихотворной "техники" вызвали восхищение, но само содержание стихов, поэм, од и других произведений неизменно оказывалось где-то на обочине дорог, по которым шла современная ему "большая" поэзия и литература.

До обращения к жанру басни он считался (и действительно был) "приворванным" поэтом своих знатных и богатых патронах: того же Николая Фуке, "мазаринокки", т.е. племянницы кардинала Мазарини Марии Анны Манчини, герцогини Бульонской; Генриетты Анны Стюарт, герцогини Орлеанской, в дворце которой на короткое лет пополнил должность распорядителя, "благородного слуги"... Но всё это не выводило его из второго или даже третьего ряда тогдашней французской литературы, представленной Буало, Ларошфуко, Мольером, Перро, Расином.

И только с появлением в 1668 году издания под названием "Басни Эзопа, переложенные на стихи

Иллюстрация Гюстава Доре к басне Лафонтена «Заяц и лягушки». 1868

г-ном де Лафонтеном" (124 произведения в шести книгах), посвящённого восьмилетнему наследнику престола, будущему королю Людовику XV, всё начинало меняться. Заявленное им кредо: "Я использую животных, чтобы учить людей", — находит всеобщее понимание и признание. Которое, впрочем, не распространяется на другие творения автора. Второе издание "Басен" (ещё 87 произведений в дополнительных пяти книгах), вышедшее через десять лет, в 1678—1679 годах, приносит ему настоящую славу не только в литературных кругах и образованных слоях общества, — эти басни становятся достоянием всей французской, а затем — европейской и мировой культуры. А "вольный ямб" — новой стандартной формой для их создания.

После смерти в 1683 году Жан-Батиста Кольбера, личного врага Лафонтена, уничтожившего и сменившего Николая Фуке на посту министра финансов королевства, Лафонтен наконец-то получает официальное признание: в ноябре он соперничает за вакантное после этой смерти место во Французской академии с Никола Буало, официальным историографом Людовика XIV, — и побеждает, получив шестнадцать

голосов против семи. По свидетельству современников, секретарь короля Туссен Роз был разгневан таким исходом, а сам "Король-Солнце" больше года не утверждал нового "бессмертного", обвиняя его в безнравственности и распущенности прежних сочинений. В конце концов, всё для нынешнего юбиляра закончилось хорошо: после того, как Буало в апреле 1684 года тоже был избран академиком (на этот раз — единогласно), Людовик XIV сменил гнев на милость... 2 мая 1685 года 60-летний Жан де Лафонтен, выступая с благодарственной речью перед собранием Французской академии, назвал себя "парнаасским мотыльком". В 1693 году, незадолго до его смерти, издана последняя, 12-я книга басен.

Для нас Лафонтен настолько заслонён фигурой Крылова, что даже в серии "ЖЗЛ" биографии великого французского баснописца пока не появились. Но надо понимать, что без него, без его творчества мы, возможно, не учили бы в школе наизусть "Ворону и Лисицу", "Стрекозу и Муравья", "Лису и Журавля"... Вот так. Читайте басни! Читайте Лафонтена!

Владимир ВИННИКОВ

КТО-ТО ИЗ ЗНАКОМЫХ в сети недавно задался вопросом: "Отчего так мало художественной литературы, в которой бы серьёзно осмысливалось наше время — его основные черты, скрытые пружины, герои и злодеи?"

Можно, конечно, отделиться более-менее точной, но ничего не объясняющей остротой: "потому что к нашей действительности трудно подобрать литературные выражения". Можно посоветовать, что разучились писать. Но это будет неправдой: хороших и очень хороших произведений в жанре исторической прозы (даже о недавнем прошлом), "магического реализма", фантазии и фантастики создано немало. Но "Героя нашего времени", "Преступления и наказания", "Вишнёвого сада", "Прощания с Матёрой", "Пирамиды" нет, как нет.

А ответ на самом деле не так прост, если копнуть поглубже. И он не о литературе. Он — о самой нашей жизни, в которой исподволь воплотились и продолжают воплощаться самые странные писательские фантазии: от "Замка" Кафки и "Книги сноивдений" Борхеса до оруэлловского ангоста. Они толпятся, мешаясь друг с другом, поэтому и действительность ускользает, как медуза в руках. Но её требуется понять, для того чтобы адекватно описать и затем попытаться изменить.

Справедливости ради надо признать, что в основных своих контурах — несущихся балках, стенах, фундаменте — мир остаётся таким, как и тысячи лет назад: добро и зло, виды страстей и грехов, небо и земля — те же, что и всегда. Разве что немного устали. По-прежнему растут зерно, кулют железо, любят и враждуют, рожают и болеют. Так, казалось бы, о чём речь? Просто очередная смена "укладов", переходный, так сказать, промежуток с присущей ему суммой неопределённостей.

С личностных позиций всё как бы определилось ещё в 1990-е. Грубо: "выигреры" и "проигреры". Первые — сумевшие использовать новые каналы обогащения, нащупавшие кнопки лифтов наверх, освоившие новый порядок взаимоотношений. Вторые — "не вписавшиеся в рынок" и, как следствие, — обнищавшие, свившиеся, ушедшие в маргиналии, на обочину жизни или с трудом тянущие семьи каторжной работой, выживающие в крайне стеснённых обстоятельствах. На это обычно и ставят точку классово-мыслящие. Мол, есть буржуа и "пролы", и между ними бездна. Игры в общество равных возможностей закончились повсеместно после падения СССР, "миллов" везде изводит как класс, богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Короче, сытый голодного не разумеет.

Чтобы нащупать то общее, что нас ещё соединяет, как в негативных эмоциях по отношению к происходящему ныне, так и в положительных по отношению к прошлому, надо трезво указать разделяющие линии. Кроме материального положения, что существовавшие всегда, но приглушённые в Союзе национально-цивилизационные различия. Есть усиленно раздуваемое идеино-архивное противоборство "белых" и "красных", но гораздо более значимым на сегодня представляется "поколенческий" разлом.

Опять же, грубо: рождённые и достигшие совершеннолетия в доперестроечном СССР и те, чьё взросление пришлось уже на постсоветскую эпоху. Внутри этих групп могут быть некоторые нюансы и довольно значительные отличия. "Шестидесятники" более идеологичны, но в то же время — романтичны и социальны-активны, "семидесятники" — более отвлечённые, гедонистичны и асоциальны, "восмидесятники" — более взвинченные, резки и перенервничав, "девяностники" — более меркантильны и циничны, "нулевники" — более инфантильны и "расфокусированы". Сам автор принадлежит к поколению, которому сейчас 50–60 лет, и может свидетельствовать, что в этом промежутке никаких различий вообще нет и они минимальны с поколением 60–70 — в отличие от предыдущих поколений 30–40 и 25–30 лет.

Безусловно, на мировосприятие влияют не только годы рождения, но семейные традиции, детский круг общения и чтения, воспитатели, но всё равно факт "советскости" или "постсоветскости" незримо довлеет. Вольно используя философско-литературоведческий термин Михаила Бахтина, это разные хронотопы — то есть пространственно-временные континуумы.

Наиболее серьёзные расхождения — между хронотопами детей, родившихся в 1950-е–1960-е годы и теми, кто появился на свет в восьмидесятых, девяностых. И не только потому, что это отцы и дети. Рубикон 1991 года создал совершенно новое мироучувствие и сумму реакций, сравнимых, наверное, только со словом 1917-го. Несмотря на возрождение Церкви, чаемого многими культурно-духовного воссоздания РФ с доархологической Россией — не произошло. Сформировавшийся хронотоп при всей своей уродливости имел яркие отличительные черты нового времени: "новых русских", а также множество внешних опознавательных знаков — от музыки до лексик.

Это было чудовищное время, но оно не было безвременьем. Последнее подкралось во второй половине нулевых и продолжает до сих пор. Мы живём сейчас вне хронотопа — с "замороженными" признаками эпохи. При этом носители разных хронотопов — от военного-послевоенного поколения до "девяностников" — в значительной степени ещё и очень активны в общественном поле. Это рождает ощущение нескольких разных наций

НЕУЛОВИМАЯ РУССКОСТЬ

Жатвы много, а делателей мало

или даже жителей разных планет, обобщённых термином "россияне". Что, конечно, создаёт большие проблемы для госвласти в отдельных действиях и выборе пути страны в целом. "Подморозка" и разное-векторное в этом контексте были прагматично-оправданны, но они явно затянулись. "Крымский консенсус" и "Русская весна" в Донбассе поманили надеждой, но нигде не привели и не вывели. Поглот-технологическими ухищрениями страну продолжает держать в двусмысленной "разножке", исторической неопределённости. Но историю нельзя остановить: если её не делать — она сделает вас, и так, как вы не рассчитывали. И здесь возникает весьма опасный и для власти, и для государства в целом эффект мультипликации недовольства общества: и разных социальных слоёв, и разных поколенческих хронотопов.

Власть понимает и играет на том, что мотивации недовольства сильно разнятся у разных сегментов недовольных. Бедняки-пенсии, мажоры-креативчики, леваки и патриоты-почвенники пока никак не сходятся в едином протестном походе. Но это — пока. Новые партийные проекты, рождаемые в недрах АП, партийная выборная борьба для абсолютного большинства населения остаются чужой игрой, не имеющей к их жизни никакого отношения. А это значит, что при дальнейшем падении урваня жизни, ярихх несправедливости и каком-нибудь общем сильно раздражителе, вроде неумного прессинга обязательной вакцинации, может произойти серия взрывов, которые перейдут в обвал. Враги России на это, безусловно, умно и тонко работают. Только вот непонятно: зачем власть им в этом подыгрывает?

Однако предположим, что несмотря на растущие различия, пока остаются общие для всех соотечественников общественно-ментальный и подосознательный контуры бытия. Собственно, они — обязательное условие существования народа, политической нации, государства. Если у нас уже нет общего мироучувствия (как нас иногда хотят уверить), то и "нас" нет — есть набор индивидуумов и атомизированных группок "по интересам". В эту сторону, безусловно, работают — грамотно и давно, но до конца не преусели: неуловимая русскость в широком смысле слова (даже с советским оттенком) никак не выправливается. Даже в поколении 1990-х.

ТАК ЧТО ЖЕ нас связывает ещё вместе на этом тонком уровне? Ответы вроде бы известны: язык, историческая память, иерархия ценностей, культура, обычаи. Хотелось бы добавить ещё — православие, но это, увы, уже не так: искренне верующие православные составляют ныне абсолютное меньшинство. Хотя, значительная часть соотечественников пока всё же хранит в сознании "православное ядро" жизненных установок и запретов, что при определённых условиях может обратиться в веру. В большей степени религиозные установки сохраняются (пока) у российских мусульман.

Мы видим, что эти общие черты менталитета подвергаются сильнейшим атакам и размываются временем, работающим против нас в ситуации амбивалентной позиции государства. Но нашим общим, пока ещё национальным чувством мы ощущаем несколько ключевых вещей, которые и мешают нам "ловить крокодила" — то есть жить и работать поступательно, осознанно, будучи уверенными в и в завтрашнем, и в сегодняшнем дне.

Во-первых, это ощущение лицемерия и двусмысленности, пронизывающее нынешнюю нашу систему, а точнее уже несколько сменившихся систем. Отсюда устоявшееся недоверие к власти, даже когда она пытается или делает нормальные полезные вещи. "Мы" и "они", говорят люди. Во-вторых, это размежевание "почвы и судьбы" страны: всё большее расхождение между "заветами предков" и непонятным путём, куда идёт, точнее, бредёт страна. В-третьих, смысловой экзистенциальный тулик: эта власть не нравится, но то, что творится на Западе (а мы именно туда привыкли отглядывать) в смысле расчеловечивания, вызывает тихий ужас. Но самые шумные противники этой власти оказываются агентами того самого Запада. При этом сама власть инфилтривана симпатизантами, а то и агентурой того же Запада. То есть круг замыкается.

К этому стоит добавить, что сознание нескольких поколений до конца жизни травмировано "девянотым первым" и "девянотым третьим", которые ощущаются многими до сих пор как личная боль и личная вина. А ведь нынешнее государство выстроено именно на том "фундаменте" и пока не собирается от него отказываться. Но однажды придётся: построенное на лжи и беззаконии обречено. Кстати, именно это мы и прошли уже в том же 1991-м, стоит ли повторять?

Для молодых людей, входящих ныне в самостоятельную жизнь, недавняя (как и давняя, впрочем) история уже не столь значима. Для них СССР — почти такая же историческая абстракция, как Российская империя и Великое княжество Московское. Они выросли с ощущением, что Украина — зарубежное недружественное государство, Таллин — далёкая Европа, а Китай давно обогнал Россию. У них фрустрация другого толка: они не видят своего будущего. Иногда добавляя "в этой стране". Речь не только о рабочих местах с заработком под тот уровень жизни, образ которого им навязали рекламщики и "развлекатели". Речь о перспективах профессионального и личностного роста в ситуации непонятного вектора движения страны, больше смахивающего на застой, где всё уже "схвачено" до них.

Да, государство в последние годы довольно активно взялось за устройство "социальных лифтов", чтобы, условно, генералом мог стать не только сын генерала — как до сих пор в основном и происходило. Есть понимание и в необходимости кардинального обновления управляющей элиты, и в приваивании молодёжи патриотизма, знания своей истории. Но и то, и другое натывается на отсутствие идеологии вневличностного успеха, идеологии общей судьбы.

Зачем нужно лучше управлять регионами и министерствами, зачем развивать Дальний Восток, зачем строить новые города, делать открытия в науке, писать глубокие тексты, изучать историю своего народа? Личное и семейное материальное благополучие — деньги, власть, лучшее место для своих детей, известность и слава, конвертируемые в вышеописанные блага, — с этим всё понятно. Но зияющая пустота на месте "сверхзадачи" по Станиславскому смазывает всю картину, размывает "цель электропитания" на отдельные звенья, маленькие корпоративные цепочки со своими локальными интересами.

Пробудившийся в последнее время в определённой части молодёжи алгуризм в виде волонтерства, заботы о немощных, о природе — прекращен. Государство пытается его вроде как поддерживать, выделяет средства, тащит волонтеров в официальные политические организации с благими намерениями. Но прозлит это формализацией, превращением в шоу, новые маленькие ручные "комсомолы" с возможностью, опять же, сделать личную карьеру.

Далеко не всех устраивают эти лукавые дорожки. Далеко не все из молодых хотят получить хорошее образование, совершить прорывы в науке и технике, чтобы потом уехать за бугор. Или написать книгу с целью получить за неё побольше премий. Заниматься общественной работой, чтобы занять депутатское место...

Но негласная система стимулов выстроена именно так: стань успешным и не очень важно каким путём. Стать успешным и при этом настоящим учёным, писателем, музыкантом, врачом всегда было непросто, а сегодня — особенно. Но молодым сулят под нос успех другого рода. Вот вам пресловутая уже трилогия: Оля Бузова, Моргенштерн, Даня Милохин. И таких успешных бездарей вокруг немало.

У русского народа, в том числе у большинства молодёжи, слава Богу, не сформировалась пока доминанта, как у западных людей, "приятно пожить для себя". Молодые люди острее воспринимают несправедливость, ложь, фальшь, абсурд, густо разлитые в окружающем мире. В отличие от старших поколений, они чаще всего не могут артикулировать продуманные претензии к власти и легко ведутся на слоганы, которые им подсовывают рукопожатные ребята, кормящиеся из рук зарубежных врагов России. И выходят по их призывам бессмысленно буйствовать на улицах.

Скорее всего, руководители государства понимают эту проблему, но беда в том, что антисистема, выстроенная в 90-е, так и не смогла превратиться в систему и продолжает входить в жёсткое противоречие с национальным менталитетом. Государство уклоняется от идеологии, боится её, а с другой стороны, не в силах её сформировать. Предлагает паллиативы в виде "сиреп", казённого отфильтрованного и лукавого "патриотизма".

В его установках "Днём России" именуется даже, ставший важным шагом к распаду советской державы; в честь столетия, непосредственно причастного к этому и другим преступлениям, возводят помпезные центры; другого виновника крушения СССР награждают высшими орденами государства, ставят о его жизни подобострастные спектакли. В рамках такого "патриотизма" предлагается болеть за спортсменов, вступающих без флага и гимна, или за фрикков, выступающих от имени страны на Евровидении.

Чinovные "патриоты" по разнарядке устраивают помпезные народные гульбища, перемежая в них сакральные символы и фи-

гуры России с пошлейшей попсой. Люди, у которых ещё осталось нравственное и эстетическое чутьё, ощущают, как от всего этого за версту несёт фальшью. И отдельные, действительно патристические и объединяющие начинания, чаще подержанные, чем инициированные властью, как, например, "Бессмертный полк", ред кинофильмов, памятных, мероприятий, увы, не в силах перевести в глаза народа "густой фальшак" официоза.

Кто-то считает, что эта фальшь, двусмысленность, а порой и прямая ложь — сознательный modus vivendi (образ жизни) нынешнего руководства страны по отношению к её населению. Но представляется, что ситуация сложнее. Кроме прожжённых циников: маккиавелистов, себялюбцев и западолобцев — на разных этапах власти есть честные и порядочные люди, действительно любящие не "корпорацию РФ" с её дивидендами, а историческую Россию, её народ. Желавшие улучшить (и в чём-то улучшающие) его жизнь, пытающиеся (и что-то делающие) для его будущего. Но эти усилия слишком часто тонут в болоте антисистемы, саботируются, а иногда прямо извращаются ею.

Возвращаясь к началу статьи, вновь констатируем сложность даже простого адекватного описания нашего сегодняшнего мира, не говоря уже о его скрытых пружинах. Перед писателем, художником, философом встаёт исключительно трудная задача. Если он хочет не просто диагностировать тяжёлую болезнь, а указать на какой-то путь, если не лечения, то преодоления её, то нужно представить фигуры людей, своей жизнью, поступками, образом мысли преобладающие кафижанский абсурд нынешнего бытия. А такие люди и у нас, и в других странах, безусловно, есть и, возможно, живут с вами по соседству.

"Мир должен быть оправдан весь / Чтобы можно было жить!" — изрек в начале прошлого века поэт Константин Бальмонт. Сегодня речь идёт уже не об оправдании, а о минимальном рассейании кошмара, в который погружают мир его "кураторы", толкая на гибельный шлях.

ВАЖНО ОСОЗНАТЬ: назад пути нет — ни в СССР, ни в имперскую Россию, ни в московскую или киевскую Русь. Ни в викторианскую Англию (если кому-то это больше импонирует), ни в трудолюбивую Америку изобретателей и набожных фермеров — вот Трамп попробовал, но безуспешно.

Стоять на месте дальше не получится: утонем в болоте, а внешне "партнёры" нас ещё и поглубже подтолкнут. Идти вперёд за Швабом и Гейтсом — в их дивный новый мир — значит потерять не только родину, но и душу.

Значит, необходимо выстраивать свои — индивидуальные и коллективные — дороги, перпендикулярные к нынешнему мэйнстриму, опираясь на те общие ментальные ценности, которые у нас ещё остались. Преодолевая противоречия поколений, социальных страт, национальностей. Гордиться их, как гати из болота, вопреки тому, что "днес довлеет", находя неожиданных помощников в разных политических лагерях и структурах, включая, разумеется, провластные.

Такой алгоритм не предполагает умильного или покорного согласия со всем, что нам навязывается сверху нынешней властью, но и не требует прямого столкновения с "левафаном" государства, поскольку столкновение это бессмысленно и обречено на поражение в любом случае.

Да, придётся шевелить мозгами, отказываться от каких-то жизненных благ и спокойствия, искать новые термины, вспоминать забытые слова. При этом, конечно, потребуются мужество называть ложь ложью, а лицемерие — лицемерием, трезво осознавая, что против тебя будет работать мощная машина разжигания мозгов, шельмования, а в крайнем случае — и подавления.

Предостит непротиворечиво соединить традиционализм и консерватизм, здоровый национализм со всемирной общностью добрых и умных землян; идеи "пламенных реакционеров" с мечтами визионеров справедливости и равенства. Разумеется, трезво отбавив и пересомыслив их применительно к современной действительности. Ничего невозможного нет.

И это не политическая борьба, замкнутая в матрице игровых партий или политических прошлого. Это духовное действие, попытка расчистить полянок и вязания узелков новой реальности поперёк проторенных путей. Если таких "делателей" станет хотя бы столько, сколько нынешних "либеральных" разрушителей (а их не так уж и много), при этом хотя бы десятая часть нашего народа и — шире — народов Земли (поскольку у России есть все шансы стать центром притяжения подобных людей поверх границ) осознает, о чём идёт речь, то, может, нам удастся отклонить нынешний полёт чепеличества в бездну.

Не все выдержат этот путь, не все на нём выживут. Но нужно делать, ибо, как посостовал Господь: "жатвы много, а делателей мало". Русский же народ давно вывел формулу: "дорогу осилит идущий".

Спросят: а как же насчёт ловли крокодила? Да необязательно его ловить: пусть мирно сидит в затоне и полагает лягушек. Главное, нам самим не стать ни лягушками, ни крокодилом.

Андрей САМОХИН